

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 156–166.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 4 (85). P. 156–166.

Научная статья

УДК 323.2

doi: 10.54398/1818-510X.2025.85.4.014

КОНЦЕПЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ: СИНТЕЗ ТЕОРИЙ

Игнатъева Ольга Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
olga7919@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1658-6427>

Аннотация. В статье представлена авторская концепция коммуникативной легитимности власти, сформулированная на основании синтеза классических и современных теорий легитимности. Актуальность исследования вызвана изменениями в публичной политике в цифровом обществе, в котором доверие к власти все больше зависит от эффективной коммуникации. Цель исследования заключается в концептуализации коммуникативной легитимности как динамического процесса, обеспечивающего признание власти посредством диалога, обмена смыслами и взаимного доверия. Для достижения цели исследования должны быть решены следующие задачи: проанализированы классические подходы (М. Вебер, Д. Истон, Дж. Ролза) и современные парадигмы (кибернетическая теория К. Дойча, постструктурализм М. Фуко и П. Бурдьё, системный функционализм Н. Лумана, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теории сетевого общества М. Кастельса, социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, культурсоциология Д. Александера); определен их вклад в понятие легитимности; произведен синтез подходов для формулировки концепции коммуникативной легитимности. Методология представлена компаративистским подходом, объединяющим идеи разных научных школ, и включающим принципы системного, дискурсивного и культурно-социологического анализа. Результатом исследования является определение коммуникативной легитимности власти, которая определяется не как статичное свойство, а как процесс формирования общественного согласия через коммуникацию. Кульминационным моментом работы является представление пятиуровневой авторской концепции коммуникативной легитимности как результата синтеза подходов к трактовке легитимности одиннадцати авторов. Новая концепция призвана объяснить устойчивость власти посредством непрерывного диалога с гражданами в условиях современных вызовов (цифровизации, пандемии и других глобальных кризисов), следовательно, может служить основой для дальнейших исследований проблематики легитимации.

Ключевые слова: коммуникативная легитимность власти, коммуникативная рациональность, перформанс, контингентность, диффузная поддержка, специфическая поддержка, убежденность, управление информацией, дискурс, символический капитал, сетевое государство, объективация, фьюжн

Для цитирования: Игнатъева О. А. Концепция коммуникативной легитимности власти: синтез теорий // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 156–166. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.85.4.014>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE CONCEPT OF COMMUNICATIVE LEGITIMACY OF POWER:
A SYNTHESIS OF THEORIES

Olga A. Ignatjeva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

olga7919@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1658-6427>

Abstract. The article presents the author's concept of communicative legitimacy of power, formulated on the basis of a synthesis of classical and modern theories of legitimacy. The relevance of the study is caused by changes in public policy in a digital society, in which trust in power increasingly depends on effective communication. The purpose of the study is to conceptualize communicative legitimacy as a dynamic process that ensures recognition of power through dialogue, exchange of meanings and mutual trust. To achieve the goal of the study, the following tasks should be solved: classical approaches (M. Weber, D. Easton, J. Rawls) and modern paradigms (cybernetic theory of K. Deutsch, poststructuralism of M. Foucault and P. Bourdieu, systemic functionalism of N. Luhmann, theory of communicative action of J. Habermas, theories of network society of M. Castells, social constructivism of P. Berger and T. Luckmann, cultural sociology of D. Alexander) are analyzed; their contribution to the concept of legitimacy is determined; a synthesis of approaches for formulating the concept of communicative legitimacy is carried out. The methodology is presented by a comparative approach that combines the ideas of different scientific schools and includes the principles of systemic, discursive and cultural-sociological analysis. The result of the study is the definition of the communicative legitimacy of power, which is defined not as a static property, but as a process of forming public consensus through communication. The culmination of the work is the presentation of the author's five-level concept of communicative legitimacy as a result of the synthesis of approaches to the interpretation of legitimacy by eleven authors. The new concept is designed to explain the stability of power through continuous dialogue with citizens in the context of modern challenges (digitalization, pandemics and other global crises), and therefore, can serve as a basis for further research on the issues of legitimation.

Keywords: communicative legitimacy of power, communicative rationality, performance, contingency, diffuse support, specific support, conviction, information management, discourse, symbolic capital, network state, objectification, fusion

For citation: Ignatjeva O. A. The concept of communicative legitimacy of power: a synthesis of theories. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 4 (85), pp. 156–166. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.85.4.014> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Проблема легитимности власти является центральным вопросом политической науки, так как ее изучение отвечает на вопрос, как обеспечить добровольное принятие решений политических субъектов населением, а следовательно, обеспечить устойчивое функционирование политической и социальной систем. Вопросы легитимности власти начинают подниматься в эпоху модерна, а в наше время они еще больше и больше обостряются, если власть начинает испытывать дефицит легитимности со стороны общества. Особенно остро анализ коммуникативных аспектов рассматриваемого феномена проявился во второй половине XX – начале XXI в. Демократизация политической системы, увеличение доли образованного населения, развитие информационно-коммуникационных технологий значительно изменили характер отношений между обществом и властью. В эпоху модерна легитимация могла опираться на традицию, харизму или законы, то в наше время доверие и расположение граждан необходимо завоевывать посредством открытого диалога, коммуникативной рациональности и прозрачности. В цифровом обществе расширились возможности для коммуникации с властью посредством социальных сетей, онлайн-

петиций, электронных референдумов. Следовательно, легитимность теперь зависит от способности государства коммуницировать с обществом, слышать его и представлять свои решения на понятном языке. По мнению С. М. Липсет, легитимность – это способность политической системы «порождать и поддерживать убеждение в том, что существующие политические институты являются самыми подходящими и приемлемыми для данного общества» [7, с. 89].

Таким образом, возникает научная проблема о необходимости переосмысления понятия легитимности с учетом коммуникационных процессов, усилившихся с момента информационно-коммуникационной революции конца XX в. Целью данного исследования является разработка концепции коммуникативной легитимности власти на базе синтеза влиятельных теоретических подходов. Для достижения цели анализируются ключевые теории легитимности – от классических трудов М. Вебера, Д. Истона, Дж. Ролза до идей Ю. Хабермаса, М. Кастельса, М. Фуко, П. Бурдьё, Н. Лумана, П. Бергера, Т. Лукмана, Д. Александра с фокусом на их коммуникативное измерение. В заключение обосновывается теоретическая значимость анализа легитимности с точки зрения авторского подхода, а также эвристический потенциал данной концепции для анализа власти в условиях современности.

Исследование носит междисциплинарный характер, так как предполагает рассмотрение политологических, социологических и философских концепций. В работе применяется компаративистский подход, поскольку идеи выбранных авторов сравниваются относительно их взглядов природу легитимности, роли ценностей, коммуникации и знания.

Исследование подчинено следующей логике: во-первых, рассматриваются теоретические основания выбранных подходов; во-вторых, формулируется авторская концепция коммуникативной легитимности; в-третьих, проводится ее обоснование и определяется ее потенциал для исследования современной реальности. Такая исследовательская программа предполагает движение от анализа к синтезу для достижения поставленной цели – разработки новой концепции на основе критического диалога с более ранними теориями.

Основная часть

Предлагаемая концепция коммуникативной легитимности власти является междисциплинарной и формируется на основании классического, системного, кибернетического, ценностно-нормативного, постструктуралистского, функционалистского, коммуникативного, конструктивистского и культуросоциологического подходов. Начнем с классического подхода к определению легитимности, предложенного М. Вебером.

Макс Вебер сформировал базовые теоретические рамки научного понимания легитимности власти. В своей работе «Хозяйство и общество» он предложил три идеальных типа легитимного господства, объясняющих, почему люди признают правомерность власти: традиционное, харизматическое и легально-рациональное [23, с. 231, 1115; 4, с. 55]. Определение власти Вебером (Herrschaft) подчеркивает способность господина навязывать свою волю, опираясь на веру подвластных в ее легитимность [24, с. 28]. Следовательно, власть считается легитимной, когда большая часть общества субъективно убеждена в правильности существующих порядков и готова им добровольно подчиняться [12, с. 208]. Однако типология немецкого социолога носила во многом описательно-идеалистический характер. Определяя основания для признания власти, она оставалась статичной. Вебер не рассматривал коммуникацию, влияющую на поддержание власти во времени. Он говорил, когда власть считается законной, но не объяснял, как легитимность поддерживается или утрачивается в процессе социальных изменений.

В середине XX в., в период бихевиоралистской революции, американский политолог Дэвид Истон предложил рассматривать политику как систему взаимодействий, устойчивость которой зависит от потоков входов (требований и поддержки) и выходов (решений власти) [18, с. 384]. В работе «Системный анализ политической жизни»

Д. Истон предлагает свою концепцию легитимности, в которой он рассматривает механизмы, посредством которых политические системы поддерживают и укрепляют свою власть без необходимости постоянного использования принуждения и с возможностью создания условий преемственности для политической системы. В теории Д. Истона поддержка власти бывает диффузной и специфической. Специфическая поддержка отражает краткосрочную удовлетворенность граждан определенными решениями и мерами власти. Диффузная поддержка представляет собой долговременную лояльность системе, основанную на общих ценностях, истории, идентичности. Таким образом, легитимность – это «фундаментальная диффузная поддержка» политического сообщества и системы, глубинное согласие граждан с тем, что данная власть законна и ей необходимо подчиняться. По Д. Истону, источниками легитимности являются политический режим, идеология и личностные качества политика [17, с. 319–331], что перекликается с основаниями легитимности в трудах Макса Вебера. Главный же вклад Д. Истона заключается в рассмотрении легитимации как динамического процесса. Легитимность не является устойчивой данностью. Она должна формироваться через политическую социализацию, ритуалы, публичные выступления.

В своей работе «Нервы правительства» Карл Дойч предложил оригинальный подход к проблеме легитимности. Он описал политическую систему как организм, управляемый нервными сигналами информации [16, с. 182]. В данной работе К. Дойч выдвигает тезис, что эффективное управление невозможно без адекватной циркуляции информации и обратной связи. Для сохранения легитимности власть должна постоянно «учиться», реагируя на запросы граждан. Власть в кибернетической парадигме преодолевает свое классическое понимание как возможности навязывать подчинение путем принуждения. Она является способностью политической системы координировать поведение людей для достижения общих целей на основе информации и коммуникации [16, с. 110–111]. К. Дойч смещает фокус анализа с идейно-правовых обоснований власти на признание ее эффективности со стороны граждан. Общество признает власть, демонстрирующую способность решать проблемы, прислушиваясь к обратной связи. Если власть игнорирует запросы населения, то она теряет связь с реальностью, и ее легитимность подвергается сомнению. По мнению К. Дойча, невозможно добиться послушания граждан без информирования их о решениях власти [16, с. 152].

Ценностно-нормативный подход Джона Ролза является точкой пересечения нормативной философии и институционального анализа. С одной стороны, он придерживается идеи И. Канта и Ж.-Ж. Руссо о разумном консенсусе свободных индивидов как единственном источнике легитимности. С другой стороны, его подход подчеркивает важность стабильных институтов и процедур, признаваемых всеми в качестве условия реализации такого консенсуса. В исходном состоянии «принципы справедливости выбираются за занавесом неведения» [8, с. 26]. В результате легитимность, по Дж. Ролзу, понимается как соответствие власти неким высшим принципам (справедливости, правам человека, общему благу), а также как уверенность граждан в том, что власть действует правильно с точки зрения процедурной справедливости и заслуживает поддержки. Таким образом, эти два аспекта (нормативный и эмпирический) можно трактовать как то, что справедливый с точки зрения разделяемых ценностей порядок имеет поддержку со стороны населения. Однако при реализации власти могут возникать разрывы между ее моральной оправданностью и фактическим признанием со стороны населения.

Мишель Фуко, один из ведущих представителей постструктурализма, известен своей концепцией власти-знания. Согласно его теории, власть утверждает себя посредством режимов истины, т. е. системы знаний, дискурсов и научных теорий. В своей работе «Надзирать и наказывать» он показывает, как эпоху модерна на смену публичной казни и других силовых методов принуждения приходит дисциплинарная власть. «Возможно “знание” тела, отличающееся от знания его функционирования, и возможно овладение его силами, представляющее собой нечто большее, нежели

способность их покорить: знание и овладение, образующие то, что можно назвать политической технологией тела» [10, с. 35]. Таким образом, «знание и власть непосредственно предполагают друг друга – власть порождает знание, знание образует отношения власти» [5, с. 78]. М. Фуко переходит от вопросов о праве власти к проблемам ее легитимации посредством дискурсов. Для формулировки концепции коммуникативной легитимности важно, что М. Фуко ставит под сомнение наличие некоего трансцендентного основания легитимности. Вечных критериев легитимности не существует. Есть только исторически меняющиеся практики убеждения и принуждения. Следовательно, легитимность можно рассматривать как коммуникативный конструкт времени или эффект дискурса. Власть признается легитимной обществом, пока удается представить ее господство как необходимое и благоразумное в рамках господствующего режима «власти-знания» [10, с. 37].

Еще один яркий представитель постструктурализма – Пьер Бурдьё – обращается к символической составляющей власти. Политические институты должны обладать символическим авторитетом, чтобы их распоряжения принимались и выполнялись по инерции. Государство, по П. Бурдьё, является центром сосредоточения символического капитала, легитимного символического и физического насилия [3, с. 163–164]. Государство «представляет собой инстанцию, которая конструирует социальный мир в соответствии с определенными структурами» [2, с. 353]. В работе «Язык и символическая власть» П. Бурдьё показывает, как через культуру и язык формируется устойчивый социальный порядок [15]. Наличие символического капитала позволяет власти имущим навязывать свою картину мира так, что она воспринимается как должное. Габитус обеспечивает усвоения схем восприятия и действий и обеспечивает восприятие порядка как само собой разумеющийся. Легитимность находится глубже формального согласия, так как она укоренена в структуре социальных символов, поэтому, анализируя коммуникативную легитимность, необходимо учитывать и этот аспект отношений власти и общества. Власть должна учитывать значение символов для общества при коммуникации, иначе она рискует остаться непонятой. Следовательно, успешная легитимация происходит тогда, когда символические коды власти совпадают с коллективными кодами общества.

Никлас Луман рассматривает легитимность как на функциональный императив политической системы. В работе «Легитимация через процедуры» Н. Луман задается вопросом о функции феномена легитимности и приходит к выводу, что легитимность является условием, позволяющим системе политической власти принимать общеобязательные решения при минимальном сопротивлении [22, с. 36]. Другими словами, это внутренний код системы, благодаря которому власть объясняет саму себя как правильную. В теории Н. Лумана современное общество состоит из автономных самореферентных подсистем – политики, права, экономики, науки, которые обладают своим коммуникационным кодом. Политика оперирует кодом, а легитимность – это своего рода программный код, делающий политические коммуникации приемлемыми. Позднее Н. Луман сформулирует, что «легитимация есть форма, в которой политическая система принимает собственную контингентность (случайность)» [21, с. 31]. Под контингентностью понимаются решения власти, которые еще не предопределены и могут быть другими, а легитимность позволяет обосновать, почему эти решения стоит воспринимать как правильные. Н. Луман преодолеть субъективно-психологических коннотации, свойственные М. Веберу и Д. Истону, в определении легитимности, утверждая, что легитимность «легитимность в качестве формулы контингентности непременно должна содержать в себе указание на процедурные правила и возможность достижения консенсуса» [9, с. 190].

Юрген Хабермас в работе «Кризис легитимности» вводит понятие кризиса легитимации, когда у власти иссякает ресурс обоснования и граждане больше не готовы подчиняться официальной идеологии или результатам политики [20, с. 73]. Отчуждение от власти приводит к мотивационному кризису, когда законы существуют, но население больше не доверяет им и не видит необходимости их соблюдать.

Во избежание такой ситуации власть должна опираться на коммуникативную рациональность. В своих работах «Теория коммуникативной деятельности» [11, с. 612] и «Между фактами и нормами» [19, с. 135] развивают идею, что легитимность в современном обществе рождается в процессе свободной и разумной дискуссии граждан в публичной сфере: «Законы нуждаются в intersubjective признании со стороны граждан государства, они должны быть легитимизированы в качестве легальных» [11, с. 612]. При этом институты демократии, такие как парламентские дебаты, выборы, независимая пресса, общественное мнение, позволяют нам приблизиться к идеальной речевой ситуации. Ю. Хабермас дифференцирует административную (формальную) власть государства и коммуникативную власть граждан, которая возникает при движении к консенсусу в ходе обсуждения. Такая коммуникативная власть возникает в публичной сфере и гражданском обществе, а потом может быть преобразована в законы и решения, если власть способна слышать общество. Следовательно, легитимными политическими решениями являются только те, которые опираются на предварительно сформированные общие убеждения, ценности и консенсус, т. е. пройдя проверку дискурсом.

В работе «Власть коммуникации» Мануэль Кастельс говорит о власти медиа как глобальном сетевом пространстве, в котором решаются вопросы власти. С развитием информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей полем борьбы за легитимность становятся экраны телевизоров, компьютеров, смартфонов. Политические лидеры все больше вынуждены конкурировать с блогерами и лидерами мнений за внимание и доверие аудитории в пространстве медиа. Коммуникация превратилась в «пространство потоков», наполненное образами и нарративами, которые влияют на формирование общественного мнения. М. Кастельс вводит новые понятия – «сетевое общество» и «сетевое государство»: «Сетевое государство характеризуется разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предыдущей формой национального государства» [6, с. 86]. Все отношения как в сетевом обществе, так и сетевом государстве опосредованы информационно-коммуникационными технологиями и глобальными сетями. С одной стороны, это означает, что появляются новые инструменты легитимации, когда власть может напрямую обращаться к гражданам, получать их поддержку, проводить электронные консультации. С другой стороны, глобальные сети децентрализуют коммуникацию, и власть уже не обладает монополией на информацию. По мнению М. Кастельса, сетевая коммуникация может угрожать традиционной легитимности власти, так как нарушает прежние механизмы контроля.

Питер Бергер и Томас Лукман в своей работе «Социальное конструирование реальности» не анализируют политику напрямую, но их идеи важны для понимания легитимности. Они полагают, что любая социальная реальность – это результат человеческого взаимодействия, порождаемый коммуникацией. Так, институты власти не существуют объективно, а конструируются в мышлении и воображении людей. Институционализация предполагает последовательное прохождение трех стадий – экстернализации (создание правил), объективации (их закрепление как «фактов») и интернализации (усвоение правил и фактов индивидами) [1, с. 61]. Власть становится институтом, когда ее правила, решения, порядки воспринимаются как нечто внешнее, надличностное, общеобязательное. Легитимация является частью процесса объективации, она «создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам» [1, с. 63]. Легитимация является смысловой объективацией второго порядка. Она нужна для того, чтобы индивид, столкнувшись с властью, подчинился ее требованию не из-за страха, а потому что понимает ее смысл. Таким образом, легитимность – это результат социального конструирования. Она не существует объективно как божественное право и не сводится к чувству как вера у М. Вебера. Легитимность создается посредством

коммуникации людей при столкновении с политическими институтами. Власть должна быть убедительной, рассказывая историю о себе, поэтому легитимация часто базируется на традиции, исторической памяти и коллективной идентичности.

В работе «Перформансы политики: победа Обамы и борьба демократов за власть» Джеффри Александер предлагает рассматривать политику как сцену, а легитимность – как результат успешно разыгрываемой социальной драмы. Даже в современном прагматичном обществе люди нуждаются в символах, мифах, ритуалах, для того чтобы признавать власть. В рамках своей «сильной программы» культуросоциологии Дж. Александер вводит понятие политического перформанса: «Чтобы политическая деятельность была успешной, необходимо стать символом не только гражданской сферы, но и некоторых внегражданских сфер, которые формируют ее границы, сфер, организованных вокруг таких вопросов, как пол, семья, религия, класс, этническая принадлежность и раса» [14, с. 18]. Об успехе легитимации можно говорить тогда, когда публика верит актеру в его роли. Лидер стремится быть воплощением культурного идеала, и если это ему удастся, наступает момент «фьюжн», т. е. слияние образа и реальности [14, с. 14]. Именно тогда возникает легитимность, т. е. граждане начинают доверять своему руководителю, который воплощает общественные идеалы. Если перформанс плохой, то может произойти «де-фьюжн», когда публика не поверит игре лидера, что будет чревато делигитимацией [13, с. 8–10]. Войну можно выиграть не только оружием, но и умением завоевывать «умы и сердца». Для нашей концепции важно, что легитимность – это процесс совместного смыслообразования власти и общества. Во-вторых, этот процесс имеет эстетическое и эмоциональное измерение, когда нельзя опираться на логику и факты, так как еще требуется символическая деятельность (ритуалы, имидж и эмоциональные обращения). В-третьих, легитимность хрупка, т. е. то, что вчера имело смысл, завтра сможет оттолкнуть. В-четвертых, идея перформанса органично связывает макроструктуры (институты, медиа) с микродействиями (выступлениями, скандалами), а также с культурными структурами (мифами, ценностями). Таким образом, коммуникативная легитимность – это не только рациональный дискурс Ю. Хабермаса, и не только процедуры Н. Лумана, но и «театр» Дж. Александера.

С учетом проанализированных концепций легитимности коммуникативную легитимность власти можно определить как способность политической власти создавать и поддерживать общественное признание посредством постоянного диалога с гражданами, а также путем обмена информацией и освещения значимых действий для обеспечения взаимопонимания власти и общества. Предлагаемая концепция носит процессуальный характер, так как легитимность рассматривается не как данность, а как процесс, происходящий в сфере коммуникации. На основании синтеза рассмотренных подходов предлагаемая концепция коммуникативной легитимности власти имеет следующую структуру и содержание:

Первый уровень концепции можно обозначить как «Диалог и обратная связь». Если власть действительно легитимна, то она создает условия для общения: учитывает запросы граждан, отвечает на их вопросы и объясняет свои решения. Следовательно, согласие с политикой и принятие власти обусловлено пониманием граждан, что их голос будет услышан. Так, власть постоянно мониторит общественное мнение (как это показано в модели К. Дойча) и затем производит соответствующие изменения в политике на основе полученной обратной связи. Таким образом, коммуникативная легитимность существует тогда, когда граждане понимают, что могут донести свои запросы, а власть способна к гибкому принятию решений – способна учиться и адаптироваться, т. е. у населения возникает доверие к власти, поскольку она доступна влиянию снизу.

Второй уровень концепции можно обозначить как «Прозрачность и обоснованность решений». Власть должна не только законно принимать решения, но и обосновывать их в доступных для граждан терминах. Власть через коммуникацию стремится максимально открыто информировать граждан о своих целях, задачах

и запланированных действиях. В процессе коммуникации она приводит рациональные аргументы и обращается к общим ценностям для того, чтобы убедить население в необходимости определённых мер. Так рождается контингентность решений (в терминологии Н. Лумана) – власть демонстрирует видение разных альтернативных решений и выбор именно оптимального варианта, чем заслуживает поддержку населения. Прозрачность процесса принятия решений создает доверие. Она снимает подозрение в личных мотивах власти и формирует устойчивое убеждение у граждан о честной игре.

Третий уровень концепции можно обозначить как «Процедурная справедливость и участие». Коммуникативная легитимность базируется на институтах, позволяющих гражданам принимать участие в политическом процессе, ощущая его справедливость. Демократические процедуры (выборы, общественные слушания, обсуждение законопроектов) являются важным каналом коммуникации между властью и обществом. Они создают ощущение у граждан сопричастности к общему делу. Следование процедурам формирует базовое доверие («кредит доверия» по Д. Истону), тогда как нарушение или манипуляция процедурами (их фальсификации или закрытость) разрушает доверие и подрывает легитимность. Таким образом, процедурная справедливость усиливает коммуникативную легитимность. Если процедура была справедливо, то легче принять ее исход. При этом открытое обсуждение процедуры с обществом усиливает ее принятие как законной.

Четвертый уровень концепции может быть обозначен как «Координаты ценностей и общие символы». Эффективная коммуникация власти и граждан требует языка, основанного на общих культурных символах. Коммуникативная легитимность существует тогда, когда власть формулирует свои послания в терминах, соответствующих ценностям большей части населения. Такой подход включает обращение к национальным символам, историческим образам, моральным принципам, т. е. всему тому, что есть в коллективной памяти и сознании. Так, например, обоснование реформы через понятие «справедливости» или «традиционных ценностей» будет выглядеть для большинства населения легитимнее, чем на научном языке, доступном немногим. Следовательно, нарратив власти должен быть встроен в символический универсум общества. Только так законы и решения будут восприниматься не как чужеродные указания, а как разумное развитие знакомых смыслов. Таким образом, коммуникативная легитимность должна использовать семиотику, становясь умелым интерпретатором и рассказчиком, объясняющим свою политику на языке гражданских ценностей.

Пятый уровень концепции следует обозначить как «Ритуалы признания и эмоциональная связь». Наряду с рациональными аргументами власть должна использовать в символические акты, вызывающие эмоциональный отклик и укрепляющие связь с гражданами. К таким ритуалам относятся инаугурации, праздники, награждение знаками отличия, минуты молчания или стихийные жесты (поездка лидера на место происшествия, полевые встречи и общение с населением). Эти перформансы (по Дж. Александру) помогают приблизить абстрактную власть к народу и делают ее более понятной. Эмоциональная идентификация граждан с лидером или политическим институтом способствует усилению ее восприятия как легитимной, так как политик или организация становятся частью их жизненного мира. Эмоциональная коммуникация заполняет тот самый «мотивационный кризис», о котором говорил Ю. Хабермас, так как люди хотят гордиться своей властью и чувствовать с ней эмоциональную сопричастность. Следовательно, эффективная коммуникация должна сочетать рациональные аргументы с эмоциями и образами.

Заключение

Предлагаемая концепция коммуникативной легитимности интегрирует когнитивное, нормативное и символическое измерения. Она соединяет следующие идеи классических и современных концепций легитимности власти: убеждение подвластных (М. Вебер), диффузную поддержку как «резервуар доверия» (Д. Истон),

управление информацией (К. Дойч), процедурную справедливость (Дж. Ролз), анализ дискурсов (М. Фуко), признание / *méconnaissance* (П. Бурдьё), самописание системы (Н. Луман), дискурс и публичную сферу (Ю. Хабермас), сетевые коммуникации (М. Кастельс), легитимацию как объяснение (П. Бергер и Т. Лукман) и перформанс (Дж. Александер).

В данной концепции легитимность власти достигается и поддерживается посредством непрерывного процесса коммуникации. Власть находится в постоянном диалоге с обществом, таким образом создавая область понимания и одобрения вокруг своих решений. Такая коммуникация является двусторонней, так как население также подает свои запросы, которые будут обязательно услышаны властью. Следовательно, коммуникативная легитимность – это отношения доверия, выстроенные через диалог.

С точки зрения предлагаемой концепции кризисы легитимности могут быть рассмотрены как кризисы коммуникации. Если возникает разрыв между риторикой власти и опытом общества, или происходит блокировка каналов коммуникации происходит делигитимация власти. И наоборот, даже непопулярные действия могут быть восприняты обществом без потрясений при наличии качественно налаженного диалога – открытого обсуждения, разъяснений и учета мнения граждан. Кроме того, данная концепция объясняет, почему в цифровую эпоху легитимность власти столь неустойчива. Именно скорость распространения информации делает коммуникативную компетентность власти основным фактором эффективного управления государством и обществом.

Таким образом, власть остается легитимной до тех пор, пока умеет говорить на одном языке с гражданами и слышать их. Такой подход позволяет объединить рационально-правовые и социокультурные компоненты легитимности. Закон и институциональные процедуры также важны, но этого недостаточно – требуется вера общества и «активное согласие», которое может быть сформировано только через понимание и доверие. Следовательно, информационная политика, прозрачность, публичная риторика и символические жесты становятся ядром современной политической легитимации.

Список источников

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бурдьё, П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / П. Бурдьё. – Москва : Дело, 2022. – 720 с.
3. Бурдьё, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдьё // Бурдьё П. Поэтика и политика : пер. с франц. / П. Бурдьё. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. – С. 125–166.
4. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – Москва : РОССПЭН, 2006. – С. 485–528.
5. Глинский, А. В. Проблема власти в работах Мишеля Фуко / А. В. Глинский // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. – 2017. – № 2. – С. 72–81.
6. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – Москва : Высшая школа экономики, 2020. – 591 с.
7. Липсет, С. М. Политический человек: социальные основы политики / С. М. Липсет. – Москва : Мысль, 2016. – 611 с.
8. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Москва : УРСС: ЛЕНАНД, 2017. – 536 с.
9. Сальников, В. П. Политико-правовые взгляды Никласа Лумана / В. П. Сальников, В. Б. Романовская, Т. В. Щепоткина-Маринина // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2 (52). – С. 187–193.
10. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Москва : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 416 с.
11. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас. – Москва : Весь мир, 2022. – Т. 2: К критике функционалистского разума. – 878 с.

12. Шпакова, Р. П. Легитимность и демократия. Уроки Вебера / Р. П. Шпакова // Макс Вебер, прочитанный сегодня. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский ун-та, 1997. – С. 200–212.
13. Alexander, J. Legitimation Crisis: Recovering the Performance of Power / J. Alexander // Culture. – 2013. – Vol. 26, № 3. – P. 8–10.
14. Alexander, J. The Performance of Politics: Obama's Victory and the Democratic Struggle for Power / J. Alexander. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 369 p.
15. Bourdieu, P. Language and symbolic power / P. Bourdieu. – Cambridge : Polity Press, 1998. – 292 p.
16. Deutsch, K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control / K. Deutsch. – New York : Free Press, 1966. – 378 p.
17. Easton, D. A Systems Analysis of Political Life / D. Easton. – New York : John Wiley & Sons, 1965. – 507 p.
18. Easton, D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science / D. Easton. – New York : Alfred A. Knopf, 1953. – 320 p.
19. Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / J. Habermas. – Cambridge, MA : MIT Press, 1996. – 631 p.
20. Habermas, J. Legitimation Crisis / J. Habermas. – Cambridge : Polity Press, 1988. – 166 p.
21. Luhmann, N. Die Politik der Gesellschaft / N. Luhmann. – Berlin : Suhrkamp, 2000. – 446 p.
22. Luhmann, N. Legitimation durch Verfahren / N. Luhmann. – Berlin : Suhrkamp, 1983. – 260 p.
23. Weber, M. Economy and Society: an outline of interpretive sociology / M. Weber. – Berkeley : University of California Press, 1978. – 1462 p.
24. Weber, M. Wirtschaft und Gesellschaft / M. Weber. – Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. – 943 p.

References

1. Berger, P., Lukman, T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium; 1995, 323 p.
2. Bourdieu, P. *O gosudarstve: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989-1992)* [On the State: Lecture Course at the College de France (1989–1992)]. Moscow: Delo; 2022, 720 p.
3. Bourdieu, P. *Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya* [The Spirit of the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field]. *Poetika i politika* [Poetics and Politics]. Saint Petersburg: Aletheia; 1999, pp. 125–166.
4. Weber, M. *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a Vocation and Profession]. *Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Selected Works: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow: ROSSPEN; 2006, pp. 485–528.
5. Glinsky, A. V. *Problema vlasti v rabotakh Mishelya Fuko* [The Problem of Power in the Works of Michel Foucault]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Filosofskie nauki"* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences]. 2017, no. 2, pp. 72–81.
6. Castells, M. *Vlast kommunikatsii* [The Power of Communication]. Moscow: Higher School of Economics; 2020, 591 p.
7. Lipset, S. M. *Politicheskii chelovek: sotsialnye osnovy politiki* [Political Man: Social Foundations of Politics]. Moscow: Mysl; 2016, 611 p.
8. Rawls, J. *A Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Moscow: URSS: LENAND; 2017, 536 p.
9. Salnikov, V. P., Romanovskaya, V. B., Shchepotkina-Marinina, T. V. *Politiko-pravovye vzglyady Niklasy Lumana* [Political and legal views of Niklas Luhmann]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal state: theory and practice]. 2018, no. 2 (52), pp. 187–193.
10. Fuko, M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurny* [To supervise and to punish. The birth of the prison]. Moscow: Ad Marginem Press: Garage Museum of Contemporary Art; 2022, 416 p.
11. Habermas, J. *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti* [Theory of Communicative Activity]. Moscow: Ves mir; 2022, vol. 2, 878 p.
12. Shpakova, R. P. *Legitimnost i demokratiya. Uroki Vebera* [Legitimacy and Democracy. Lessons of Weber]. *Maks Veber, pročitannyi segodnya* [Max Weber, read today]. Saint Petersburg: St. Petersburg University; 1997, pp. 200–212.

13. Alexander, J. Legitimation Crisis: Recovering the Performance of Power. *Culture*. 2013, vol. 26, no. 3, pp. 8–10.
14. Alexander, J. *The Performance of Politics: Obama's Victory and the Democratic Struggle for Power*. Oxford: Oxford University Press; 2010, 369 p.
15. Bourdieu, P. *Language and symbolic power*. Cambridge: Polity Press; 1998, 292 p.
16. Deutsch, K. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York: Free Press; 1966, 378 p.
17. Easton, D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley & Sons; 1965, 507 p.
18. Easton, D. *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York: Alfred A. Knopf; 1953, 320 p.
19. Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: MA, MIT Press; 1996, 631 p.
20. Habermas, J. *Legitimation Crisis*. Cambridge: Polity Press; 1988, 166 p.
21. Luhmann, N. *Die Politik der Gesellschaft*. Berlin: Suhrkamp; 2000, 446 p.
22. Luhmann, N. *Legitimation durch Verfahren*. Berlin: Suhrkamp; 1983, 260 p.
23. Weber, M. *Economy and Society: an outline of interpretive sociology*. Berkley; University of California Press; 1978, 1462 p.
24. Weber, M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck); 1972, 943 p.

Информация об авторе

Игнатьева О. А. – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

Ignatjeva O. A. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.08.2025; одобрена после рецензирования 26.08.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 02.08.2025; approved after reviewing 26.08.2025; accepted for publication 30.09.2025.